

НАШЕСТВИЕ НАПОЛЕОНА И ПОЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Ранее мы уже обращались к проблеме участия некоторых народов Российской империи в Отечественной войне 1812 года. Речь шла об украинском и еврейском населении юго-западных окраин империи. Теперь мы намерены более подробно остановиться на поведении в этот критический для России момент довольно многочисленного польского населения Волыни, Подолии и Правобережной Украины. Как известно, эти территории оказались в составе Российской империи в результате второго (1793 г.) и третьего (1795 г.) разделов Речи Посполитой. Проживавшая здесь шляхта не оставляла надежды на восстановление польской государственности, связывая их в первую очередь с политикой сначала республиканской, а затем наполеоновской Франции. Создание в 1807 г. Варшавского герцогства укрепило эти надежды, и теперь поляки с нетерпением ожидали нового столкновения Франции с Россией, в ходе которого должна будет решиться судьба их родины.

Большинство польского населения, оказавшегося под властью российского престола, испытывало и культивировало антирусские настроения. Об этом красноречиво свидетельствует Адам Чарторыйский: «Любовь к отечеству, к его славе, к его учреждениям и вольностям была привита нам и учением, и всем тем, что мы видели и слышали вокруг себя. К этому же надо прибавить, что чувство это, воспитанное всем нашим моральным существом, сопровождалось непреодолимым отвращением, ненавистью ко всем тем, кто способствовал гибели нашего возлюбленного отечества.

Я был до такой степени под властью этого двойного чувства любви и ненависти, что при каждой встрече с русскими, в Польше или где-либо в другом месте, кровь бросалась мне в голову, я бледнел и краснел, так как каждый русский казался мне виновником несчастий моей родины»ⁱ.

Польские политические и военные круги в Варшавском герцогстве, планируя акции по восстановлению своего контроля над территориями, отошедшими к России, во многом делали ставку на поддержку патриотически настроенного польского населения этих мест. В известном проекте генерала М. Сокольницкого, адресованном самому Наполеону, прямо говорилось, что, несмотря на все усилия России добиться расположения своих новых подданных, «в этом обширнейшем регионе, раскинувшемся от Риги до устья Днепра, нет ни одного уголка, который не превратился бы в вулкан, стоит только этого захотеть Наполеону. Извержение произойдет по первому его сигналу»ⁱⁱ. М. Сокольницкий предлагал в случае войны с Россией совершить силами армейского корпуса, состоящего из польских войск, диверсию в сторону Киева, «успех которой был бы в каком-то смысле решающим фактором всей кампании». Главный аргумент Сокольницкого в пользу своего проекта - легкость достижения цели при минимальных затратах сил и средств. Для завоевания Волыни и Правобережной Украины, по мнению генерала, потребуется всего 20 тыс. человек, которых нет необходимости обременять продовольственным и артиллерийским обозом, а лишь «захватить с собой легкое вооружение и военное снаряжение для того, чтобы вооружить и обмундировать рекрутов, которые присоединятся по пути»ⁱⁱⁱ.

Одним из решающих факторов успеха станет содействие местной администрации и крупных собственников-магнатов - практически сплошь поляков. «Таким образом, к местным властям можно обращаться без всякой опаски. Более того, их нужно уважать и использовать, дабы без ограничений получать все, что требуется армейскому корпусу»^{iv}.

Чтобы обеспечить лояльность местных крестьян-украинцев, Сокольницкий рекомендует «безоговорочно привлечь на свою сторону

священнослужителей-униатов. Прогнав без всяких условий схимников, засланных из-за границы (т.е. православных священников. -С.П.)». «Если знать и священнослужители выскажутся за предложенные меры, - констатирует генерал, - можно заранее гарантировать, что только одна Волынь в течение короткого промежутка времени, пока ее территорию будет пересекать армейский корпус... обеспечит рекрутирование от 40 до 50 тысяч человек... Таким образом, отправившись в поход в составе 20 тысяч человек, армейский корпус прибудет под стены Киева, увеличив за минимальное время свои ряды до 50-60 тысяч человек, при этом еще 10 тысяч займут все выходы из Полесья»^v.

Насколько оправдан был оптимизм М. Сокольниковского и что могли противопоставить российские власти польско-французским замыслам?

Политическая неблагонадежность волынской и подольской шляхты не была секретом для российских властей. Они столкнулись с ее проявлениями в 1807 г., когда французские войска приблизились к границам России, а поляки демонстрировали большое возбуждение в связи со слухами о намерении Наполеона возродить их отечество. Украинский советский историк И. Троцкий, изучив дела Комитета общественной безопасности, созданного 13 января 1807 г., даже написал о «волне сепаратизма и франкофильства, которая в 1806-1807 гг. прокатилась Правобережьем среди поляков - от безземельной шляхты до магнатов»^{vi}. По мере усиления военной опасности в 1811 - начале 1812 г., военные и гражданские власти снова выражают беспокойство в связи с возможным поведением поляков. В мае 1811 г. волынский гражданский губернатор Комбурлей писал военному министру М.Б. Барклаю де Толли: «По связям здешних с жителями Варшавского герцогства, по множеству приезжающих сюда из-за границы и по неблагомыслию, может быть некоторых из наших обывателей, нельзя не опасаться, чтоб неприязненные правительства не приняли каких-либо средств к истреблению запасов» и призывал усилить охрану хлебных магазинов в Луцке, Житомире, Остроге и Дубно^{vii}. П.И. Багратион в марте 1812 г. делился с Барклаем де Толли своими сомнениями по тому же поводу: «Столь очевидное отношение обывателей наших с княжеством Варшавским... даже чрез людей приезжающих оттуда в Россию с пашпортами надзирать трудно и невозможно, но влияние, каковое производят они своими разглашениями весьма ощутительно. Все сии случаи ведут к одной и той же мысли, что жители сего края, имея особенные связи и отношения весьма нам неблагоприятствуют и могут послужить вреднейшим для нас орудием»^{viii}.

Обстановку подозрительности и тревоги усилил большой киевский пожар в июне 1811 г., в организации которого подозревали поляков, даже священников. В Петербурге это происшествие было воспринято как «своего рода прелюдия к наступательным враждебным действиям против России, к которым поляки явно готовились тогда в союзе с французами»^{ix}. В итоге власти охотно приняли не имевшую доказательств версию о злоумышленниках, и вся Правобережная Украины в течение полугода была охвачена лихорадочными поисками поджигателей, приобретавшими порой признаки коллективного психоза.

Весной 1812 г. положение в пограничных губерниях привлекло, наконец, внимание Петербурга. 21 марта император Александр I направил министру полиции рескрипт с повелением «дабы обращено было особенное внимание на правила и образ мыслей помещиков и других обывателей пограничных губерний не весьма давно к России присоединенных». Губернаторам предписывалось подвергнуть всех жителей «строгому с их стороны наблюдению» и представить списки «тем лицам, которые не надежны, с разделением на две части, из коих в одной поместить сомнительных, а в другой совершенно подозрительных»^x.

В мае поступило донесение от волынского губернатора, который писал, «что хотя многих подозреваю я в дурном к России расположении, но совершенно подозрительными, кроме немногих, никого почти признать не могу». Представленный им список «явно подозреваемых» насчитывал всего восемь фамилий польских помещиков. «Сомнительных» было гораздо более - 93 человека

Киевский гражданский губернатор Санти в начале июня направил в Петербург в чем-то похожий ответ: «Здесь помещики, дети их и шляхта, ведут себя тихо, скромно, но осторожно, так что образа их мыслей, никак проникнуть невозможно». Но заканчивал он свое донесение на пессимистической ноте: «...при малейшей неудаче, ни коим образом, ни на которое из... состояний положиться не можно, а большая часть здешнего дворянства кажется по правилам своим и ветренности нрава, не допустит неприятеля до реквизиции, но добровольным приношением с избытком всем снабдит». Список подозрительных включал четырех, сомнительных указано 40 человек^{xii}.

Незадолго до вторжения французов в Россию главнокомандующий расположенной на Волыни 3-й Резервной обсервационной армии А.П. Тормасов, словно угадывая замысел Сокольниковского, предлагал Барклаю де Толли «тех из обывателей и прежних чиновников, кои наиболее в приверженности к нам сомнительны, ума хитрого, оборотливого, и в общем кругу доверие имеющих заблаговременно вызвать из сего края. Сии меры, полагаю я, могут способствовать расстроить им связи и намерения, ежели существуют какие-либо тайно, в чем кажется и сомневаться не должно..»^{xiii}.

Уже после начала войны последовало предписание выслать «сомнительных людей» во внутренние губернии, чем и воспользовались губернаторы. Так, Комбурлей выслал шляхтичей Нидецкого, Богуша, Сорвинского, Недзельского и Миончинско-го в Харьков; Древецкого, Пацкевича и Синдзимиру - в Тамбов; Швейковского, Язвинского, Стецкого и Малышкевича - в Казань. Меньше повезло Гаевскому, Подфилинскому, Красуцкому, Водовинскому и Разевичу, угодившим в далекий Оренбург. Проступки, за которые польских помещиков отправляли в ссылку, заключались чаще всего в том, что они «пьют здоровье короля и королевства Польского, позволяют себе в разговорах на щет России и даже императорской фамилии разные неблагопристойные шутки и занимаются разглашением нелепых слухов»^{xiv}.

Бывали и более серьезные проступки. Так, поветовые маршалы (уездные предводители дворянства) Киевской губернии Головинский, Мадейский и Красицкий были в сентябре 1812 г. высланы под надзор полиции соответственно в Астрахань, Саратов и Воронеж за то, что «примером своим и убеждением преклоняли польское дворянство к уменьшению числа воинов в... военную силу (ополчение. - С.П.) назначаемых»^{xv}.

Санти намеревался удалить в Харьков и губернского предводителя Потоцкого, вступившегося за упомянутых маршалов «как за единомышленных наперсников своих», а в сентябре «предписал было... некоторым поветовым маршалам... учредить внутреннюю дворянскую полицейскую стражу, которая легко могла быть обращена к неблагонамеренным против нашего отечества предприятиям...». Но коренное изменение обстановки сделало эту меру излишней и старый граф избежал готовившейся ему участи^{xvi}.

Но в целом после начала войны польские дворяне вели себя тихо, не причиняя властям большого беспокойства. Приближение к границам Волынской губернии неприятельских сил и занятие ими Владимир-Волынского и Ковельского поветов, сообщал Комбурлей министру полиции в августе 1812 г., «произвело во многих помещиках большую тревогу и некоторые начинают требовать во внутрь России пашпорта... но до сего времени тишина и спокойствие соблюдаются, равно и предписания начальства исполняются в надлежащей точности и без промедления».

Предприимчивый губернатор, которого Сокольниковский очевидно не без оснований назвал «заклятым врагом французов», «удостоверившись на опыте в приверженности к России еврейского народа», организовал из евреев целую сеть тайных агентов «на... разведывания в разсуждение поведения помещиков, переписок их с заграничными и каких-либо приготовлений»^{xvii}.

В ноябре волынский губернатор сообщал министру полиции, что «обыватели

вверенной мне губернии ведут себя до сего времени очень скромно, приказания начальства и разные повинности исполняют беспрекословно, вредных предприятий или духа возмущения совершенно за ними не примечено и вообще спокойствие и повиновение, невзирая на бывшее близкое нахождение неприятельских войск, поныне не нарушено.

Исполнение рекрутского набора и взыскание государственных податей, равно и отправление разных повинностей, производится по возможности. вообще приметна радость при получении каждого известия о успехах российского оружия.

По случаю побед приказал я принести богу благодарственный молебны: кроме Житомира особенное празднество было в Радзивилове, где после молебна в русских и католических церквях была пальба из старых мортир, а вечером местечко было освещено зажженными смоляными бочками»^{xix}.

Таким образом, расчетам и ожиданиям М. Сокольниковского, равно как и тревогам многих военных и гражданских чинов в России, не суждено было сбыться. Польское население юго-западных и южных окраин оставалось в массе своей лояльным империи. Можно добавить, что даже в Литве и Белоруссии, где наполеоновской армии поляками было оказано наибольшее содействие, его масштабы не оправдали надежд захватчиков.

В Юго-Западном крае ход военных действий с самого начала принял для поляков неблагоприятный оборот. Столь лелеемая Сокольниковским диверсия в сторону Киева не состоялась, так как не согласовывалась с намерениями самого императора. Направленный сюда саксонский корпус Рейнье оказался слишком малочисленным и потерпел поражение под Кобриним. Прибывшие ему на помощь австрийцы не склонны были вести активные действия и все ограничилось вытеснением русских войск за р. Стырь. Таким образом, большая часть Волыни, Подолия и Киевщина остались под контролем русских властей, что, естественно, сковывало инициативу польских патриотических кругов. Большое значение имело и то обстоятельство, что планы возвращения Юго-Западного края в лоно возрожденного Польского государства не могли пробудить сочувствия у крестьянско-казацкой массы, в отличие от помещиков, - сплошь украинской. На это обстоятельство обратили внимание еще сто лет назад авторы коллективного труда «Отечественная война и русское общество»: «В Подольской, Волынской и Киевской губерниях русское население подавляло все прочее настолько, что Волынь, на которую так надеялся Наполеон, поставила в солдаты только двух человек. Шварценберг, вступивший со своим войском в Волынь, не мог даже найти надежных лазутчиков»^{xx}.

Несмотря на сложную и неясную обстановку накануне войны, российские власти в целом контролировали ситуацию, стремились предупредить эвентуальные действия противника по дестабилизации положения в крае. Следует признать особо удачным принятое накануне войны решение о формировании на Правобережье конно-казацкой дивизии из представителей казачьего сословия, а в самом начале войны - о формировании на тех же основаниях казацкого ополчения в Малороссии. Тем самым российские власти привлекли на свою сторону массу украинского населения по обеим сторонам Днепра, обеспечив себе его лояльность и поддержку, одновременно нейтрализовав активность польских патриотических кругов. Даже во время восстания 1831 г. размах польского движения на Правобережье был во многом парализован «боязнью вызвать в крае гайдамачество»^{xxi}

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ *Чарторижский А.* Мемуары. М., 1998. С. 35.

ⁱⁱ *Сокольниковский М.* «Исполнено по высочайшему повелению...»: Рапорт, поданный Наполеону начальником его контрразведки, польским генералом Михалей Сокольниковским, с рекомендациями «о способах избавления Европы от влияния России...»: Пер. с фр. Минск, 2003. С. 42.

ⁱⁱⁱ Там же. С. 116.

-
- ^{iv} Там же. С. 118.
- ^v Там же. С. 120-121.
- ^{vi} *Троцкий И.* До истории революционного руху на Украпи на початку XIX ст. // Прапор марксизму. 1930. Т. 1. С. 131.
- ^{vii} Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1903. Т. IV. С. 46.
- ^{viii} Там же. СПб., 1908. Т. X. С. 131, 132.
- ^{ix} *Левицкий О.* Тревожные годы: Очерки из обществ. и полит. жизни г. Киева и юго-зап. края в 1811-1812 г. // Киев. старина. 1891. Т. XXXV. Окт. С. 13.
- ^x ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 149. Л. 1.
- ^{xi} Там же. Л. 16-26.
- ^{xii} Там же. Л. 29-33.
- ^{xiii} Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1903. Т. XIII. С. 42.
- ^{xiv} ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 100. Л. 9.
- ^{xv} Там же. Д. 167. Л. 1, 15.
- ^{xvi} Там же. Д. 172. Л. 1, 2.
- ^{xvii} Там же. Д. 113. Л. 56.
- ^{xviii} Там же. Л. 63.
- ^{xix} Там же. Д. 130. Л. 1.
- ^{xx} Отечественная война 1812 г. и русское общество. СПб., 1912. Т. IV. С. 124.
- ^{xxi} Записки Михаила Чайковского // Киев. старина. 1891. Т. XXXV. Ноябрь. С. 286.